

Ты
де МОПАССАН

Милый друг

Ги д. Мопассан
Мадемуазель Фифи

Мопассан Г. д.

Мадемуазель Фифи / Г. д. Мопассан — «ЛитПаб»,

«Майор, граф фон Фарльсберг, командующий прусским отрядом, дочитывал принесенную ему почту. Он сидел в широком ковровом кресле, задрал ноги на изящную мраморную доску камина, где его шпоры – граф пребывал в замке Ювиль уже три месяца – продолбили пару заметных, углублявшихся с каждым днем выбоин...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Ги де Мопассан Мадемуазель Фифи

Майор, граф фон Фарльсберг, командующий прусским отрядом, дочитывал принесенную ему почту. Он сидел в широком ковровом кресле, задрал ноги на изящную мраморную доску камина, где его шпоры – граф пребывал в замке Ювиль уже три месяца – продолбили пару заметных, углублявшихся с каждым днем выбоин.

Чашка кофе дымилась на круглом столике, мозаичная доска которого была залита ликерами, прожжена сигарами, изрезана перочинным ножом: кончив иной раз чинить карандаш, офицер-завоеватель от нечего делать принимался царапать на драгоценной мебели цифры и рисунки.

Прочитав письма и просмотрев немецкие газеты, поданные обозным почтальоном, граф встал, подбросил в камин три или четыре толстых, еще сырых полена, – эти господа понемногу вырубали парк на дрова, – и подошел к окну.

Дождь лил потоками; то был нормандский дождь, словно изливаемый разъяренной рукою, дождь косой, плотный, как завеса, дождь, подобный стене из наклонных полос, хлещущий, брызжущий грязью, все затопляющий, – настоящий дождь окрестностей Руана, этого ночного горшка Франции.

Офицер долго смотрел на залитые водой лужайки и вдаль – на вздувшуюся и выступившую из берегов Андель; он барабанил пальцами по стеклу, выстукивая какой-то рейнский вальс, как вдруг шум за спиной заставил его обернуться: пришел его помощник, барон фон Кельвейнштейн, чин которого соответствовал нашему чину капитана.

Майор был огромного роста, широкоплечий, с длинною веерообразной бородою, ниспадавшей на его грудь подобно скатерти; вся его рослая торжественная фигура вызывала представление о павлине, о павлине военном, распутившем хвост под подбородком. У него были голубые, холодные и спокойные глаза, шрам на щеке от сабельного удара, полученного во время войны с Австрией, и он слыл не только храбрым офицером, но и хорошим человеком.

Капитан, маленький, краснолицый, с большим, туго перетянутым животом, коротко подстригал свою рыжую бороду; при известном освещении она приобретала пламенные отливы, и тогда казалось, что лицо его натерто фосфором. У него не хватало двух зубов, выбитых в ночь кутежа, – как это вышло, он хорошенько не помнил, – и он, шепелявя, выплевывал слова, которые не всегда можно было понять. На макушке у него была плешь, вроде монашеской тонзуры; руно коротких курчавившихся волос, золотистых и блестящих, обрамляло этот кружок обнаженной плоти.

Командир пожал ему руку и одним духом выпил чашку кофе (шестую за это утро), выслушав рапорт своего подчиненного о происшествиях по службе; затем они подошли к окну и признались друг другу, что им невесело. Майор, человек спокойный, имевший семью на родине, приспособлялся ко всему, но капитан, отъявленный кутила, завсегда притонов и отчаянный юбочник, приходил в бешенство от вынужденного трехмесячного целомудрия на этой захоластной стоянке.

Кто-то тихонько постучал в дверь, и командир крикнул: «Войдите!» На пороге показался один из их солдат-автоматов; его появление означало, что завтрак подан.

В столовой они застали трех младших офицеров: лейтенанта Отто фон Гросслинга и двух младших лейтенантов, Фрица Шейнаубурга и маркиза Вильгельма фон Эйрик, маленького блондина, надменного и грубого с мужчинами, жестокого с побежденными и вспылчивого, как порох.

С минуты вступления во Францию товарищи звали его не иначе, как *Мадемуазель Фифи*. Этим прозвищем он был обязан своей кокетливой внешности, тонкому, словно перетянтому

корсетом стану, бледному лицу с едва пробивавшимися усиками, а также усвоенной им привычке употреблять ежеминутно, дабы выразить наивысшее презрение к людям и вещам, французские слова «fi», «fi donc»¹, которые он произносил с легким присвистом.

Столовая в замке Ювиль представляла собою длинную, царственно пышную комнату; ее старинные зеркала, все в звездообразных трещинах от пуль, и высокие фландрские шпалеры по стенам, искромсанные ударами сабли и кое-где свисавшие лохмами, свидетельствовали о занятиях Мадемуазель Фифи в часы досуга.

Три фамильных портрета на стенах – воин, облаченный в броню, кардинал и председатель суда – курили теперь длинные фарфоровые трубки, а благородная дама в узком корсаже надменно выставляла из рамы со стершейся позолотой огромные нарисованные углем усы.

Завтрак офицеров проходил почти безмолвно. Обезображенная и полутемная от ливня комната наводила уныние своим видом завоеванного места, а ее старый дубовый паркет был покрыт грязью, как пол в кабаке.

Окончив еду и перейдя к вину и курению, они, как повелось каждый день, принялись жаловаться на скуку. Бутылки с коньяком и ликерами переходили из рук в руки; развалившись на стульях, офицеры непрестанно отхлебывали маленькими глотками вино, не выпуская изо рта длинных изогнутых трубок с фаянсовым яйцом на конце, пестро расписанных, словно для соблазна готтентотов.

Как только стаканы опорожнялись, офицеры с покорным и усталым видом наполняли их снова. Но Мадемуазель Фифи при этом всякий раз разбивал свой стакан, и солдат немедленно подавал ему другой.

Едкий табачный туман заволакивал их, и они, казалось, все глубже погружались в сонливый и печальный хмель, в угрюмое опьянение людей, которым нечего делать.

Но вдруг барон вскочил. Дрожа от бешенства, он выкрикнул:

– Черт поberi! Так не может продолжаться. Надо наконец что-нибудь придумать!

Лейтенант Отто и младший лейтенант Фриц, оба с типичными немецкими лицами, неподвижными и глубокомысленными, спросили в один голос:

– Что же, капитан?

Он с минуту подумал, потом сказал:

– Что? Если командир разрешит, надо устроить пирушку!

Майор вынул изо рта трубку:

– Какую пирушку, капитан?

Барон подошел к нему:

– Я беру все хлопоты на себя, господин майор. *Слушаюсь* будет отправлен мною в Руан и привезет с собою дам; я знаю, где их раздобыть. Приготовят ужин, все у нас для этого есть, и мы по крайней мере проведем славный вечерок.

Граф фон Фарльсберг улыбнулся, пожимая плечами:

– Вы с ума сошли, друг мой.

Но офицеры вскочили со своих мест, окружили командира и взмолились:

¹ Французские междометия, выражающие укоризну, недовольство, презрение, отвращение. – Примеч. пер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.